

УДК 304.5

*М. В. Белозёрова***ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье на основе историографических и архивных источников рассмотрен ряд аспектов формирования феномена толерантности в социально-исторической практике Западной Европы и России.

Ключевые слова: толерантность, мультикультурное общество, межкультурное взаимодействие.

*M. V. Belozeroва***PROBLEM OF TOLERANCE IN INTERNATIONAL COMMUNICATION:
METHODOLOGICAL ASPECT**

The paper dwells on the aspects of formation tolerance in social and historical praxis of Western Europe and Russia.

In the basic of tolerance we can find an “anthropological paradigm” to be exact, Buddhism in the East, Christianity in the West and Islam in the South of Eurasia. Those three religions don't have any conflicts with other religious systems. They are the same in the negation of the tribal and the racial superiority.

In West Europe the tolerance begins to shape in Middle Ages, especially in period of religious and social wars (15–16th centuries) in Germany, England, France, Switzerland and other countries. These facts we can find in secular literature, for example in poetry of Hans Sachs. In these wars many people had died and the religious confrontation attended with achievement of religious tolerance.

The politic tolerance began to appear in the 18th century (Voltaire, John Locke, Charles Maurice de Talleyrand-Périgord, N. Novikov, I. Krylov and others).

Russia is the multicultural country. Every nation in all times had the religious and political tolerance.

But in the 21th century's globalization, political modernization, migration, cultural unification revived chauvinism and xenophobia. That's why the important goal of the society is the education of tolerance.

Keywords: tolerance, multicultural society, intercultural interaction.

Внимание к проблеме толерантности со стороны представителей различных сфер деятельности (политиков, деятелей культуры и искусства, ученых, духовенства) во многом определяется потребностями социальной практики. В условиях глобализации, затрагивающей все сферы жизнедеятельности человека, политической модернизации, быстрого развития коммуникаций, урбанизации и интеграционных процессов, смены мировоззренческих установок, усиливающихся миграционных потоков, культурной унификации и других событий и явлений возрастают риски проявления интолерантности, неприятия и противостояния в виде возрождающегося национализма, религиозного фундаментализма, шовинизма и ксенофобии. Перечисленные факторы, а также осознание этой угрозы политиками и международной общественностью определяют необходимость осуществления сознательной политики по формированию в обществе установок толерантности и делают одной из важных целей развития мирового сообщества формирование культуры толерантности или культуры поддержки разнообразия. Это, прежде всего, означает стремление к формированию толерантных установок в сфере этнических, конфессиональных и культурных отношений. Страна, позволяющая себе такое разнообразие, обладает значительным эволюционным резервом и множеством вариантов решений различных проблем в кризисных ситуациях.

Каковы же социально-исторические корни формирования феномена толерантности? Он, прежде всего, связан с так называемой «антропологической парадигмой», исторически основополагающими составляющими которой в мировой культуре стали буддизм, христианство и ислам соответственно на востоке, западе и юге евразийского мира. Религии, охватившие впоследствии огромные массы людей. У этих трех мировых религий не было непримиримых противоречий с другими религиозными системами, но они были едины в отвержении доктрины разрушения, племенного и расового превосходства.

В европейской, западной, традиции основополагающим антропологической парадигмы стало христианство. Учение Иисуса Христа показало его последователям, где истина и где ересь. Оно, оставляя за человеком право свободного выбора между добром и злом, учило внутреннему смирению, но не раболепию. Завещая: «Люби Бога твоего всем сердцем твоим» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», – Христос восстановил первичное – любовь к ближним, независимо от их расы и веры. Учение Иисуса Христа – это учение добра, а не доктрина ненависти. Именно с христианством неразрывно связано понятие «западной культуры». В духовной сфере главные ее достижения – изменение отношения человека к человеку, не проповедование ненависти к другим религиям и народам, отвержение расового превосходства, в материальной – культура определялась достижениями научно-технического прогресса.

История возникновения феномена толерантности уходит в Средневековье и связана с веротерпимостью Реформации. XV–XVI столетия были периодом крупнейших социальных потрясений и религиозных войн, охвативших практически все страны Западной и Восточной Европы. Так, в Германии, где и началась Реформация, в XV веке императорская и княжеская власть оказалась настолько слаба, что не могла противопоставить свои интересы римской церкви. Последняя в это время занимала достаточно сильные позиции и обладала значительными владениями в стране. Результатом стало обострение вражды всех социальных слоев и классов (князей, обедневшего дворянства, бюргерства, крестьянства) к католической церкви. При этом каждая социальная группа преследовала свои цели. Могущественные князья стремились к захвату обширных церковных владений и секуляризации церковного имущества для усиления своей власти и влияния. Рыцарство пыталось захватить церковное имущество, чтобы поднять свое материальное положение и выйти из долгов. В городах идеология народившейся городской буржуазии (бюргерства) с ее деловым, трезвым умом противоречила пышной церковной обрядности, богослужениям и таинствам. Крестьяне и городские низы видели в лице церкви крупного феодального эксплуататора. Среди населения распространялись идеи, что духовенство не должно иметь никаких особых прав и привилегий, церковные земли должны быть поделены между неимущими. Недовольство церковью органически переплелось с острыми социальными противоречиями внутри германского общества [14, с. 7].

Сложившаяся ситуация в обществе и протест против католической церкви нашли широкое отражение в светской литературе того времени, например, в творчестве одного из наиболее значительных немецких поэтов периода Реформации бюргера Ганса Сакса (1494–1576). Он получил права мастера сапожного дела в родном городе Нюрнберге, основал там школу мастерзингеров¹⁰. Захваченный реформаторским движением, Г. Сакс даже на некоторое время отошел от светской поэзии и до 1526 года сочинял, в основном, духовные и полемические произведения. В своем стихотворении «О Виттенбергском соловье, чья песнь слышна теперь везде» (1523) он следующими словами характеризовал «деятельность» римской церкви [10]:

¹⁰ *Мейстерзингеры* – средневековые немецкие поэты и певцы из горожан, преимущественно ремесленников.

*...Совместно с кем святой престол
Свой учиняет произвол.
То капелланы и прелаты,
Затем каноники, аббаты –
Все те, кто нас толкает в грязь,
Над словом Божиим глумясь.
Повадки их давно известны;
Любые средства им уместны
Для добывания деньжат:
Они молебствия творят
За деньги, мзду берут за воду,
Спасенье продают народу...
...Корыстолюбец поп не прост:
Тотчас же деньги пустит в рост
И вновь получит не без лишка...
...Есть у попов про всех товар –
Лишь покупай и млад, и стар!
Известно – каждый поп и инок
Дом Божий превращают в рынок:
Дают реликвии доход,
А главное – в церквах идет
Продажа индульгенций бойко...
...Они из края в край пешком
Бредут – всегда с большим мешком,
В котором индульгенций ворох...
...Нет хищников жадней и злее...
Монахи. Племя их не зря
Веками кровь из нас сосало:
За деньги, яйца, свечи, сало,
За уток, кур, сыры, масла
Творили добрые дела
У нас монашеские братства –
За то и нажили богатство!..*

В то же время большим сочувствием проникнуты слова поэта об участи немецкого народа, который находился в фактическом «рабстве» у католической церкви:

*...Страдает от попов народ,
Не перечесть его невзгод:
Зимой и летом гнет он спину,
Чтоб отдавать им десятину,
Коль не заплатишь – проклянут,
Изгонят, свечи в след швырнут,*

*Другим чтоб было невадно;
Трудиться разве не досадно
Крестьянину по целым дням,
Чтобы поповским холюям
Сидеть в трактирах было можно,
Кутить и пьянствовать безбожно?...*

Следствием социальных противоречий стали массовые движения (рыцарское восстание 1522–1523 годов, ряд непрерывных крестьянских движений в Германии), к которым присоединилось широкое религиозное движение, охватившее всю страну, и в котором сошлись различные общественные слои.

Сигналом для Реформации послужила деятельность одного из профессоров Виттенбергского университета в Саксонии Мартина Лютера (1483–1546) [14, с. 10], реформационные лозунги которого поддерживались практически всеми слоями населения. Уже упоминавшийся немецкий поэт Ганс Сакс, как и многие его соотечественники, в лице М. Лютера горячо приветствовал Реформацию, выводящую людей «на верный путь из мрака заблуждения». Он написал ряд стихотворений, поддерживающих М. Лютера и протестантизм. Лютера поэт называл «соловьем», «доктором славным». На идеях М. Лютера созрела программа другого видного деятеля Реформации Томаса Мюнцера (1490–1525), пропагандировавшего идеи утопического социализма, то есть общественный строй, при котором, по словам Ф. Энгельса, не было ни классовых различий, ни частной собственности [32]. Реформаторское движение в Германии (а впоследствии также и в других странах Западной Европы) усугублялось деятельностью уже существовавших религиозных сект, среди которых широкой популярностью пользовались анабаптисты («перекрещенцы»), проповедовавшие радикальную религиозную реформу и некоторые «коммунистические» идеи (например, теорию уничтожения неравенства между людьми, общности имущества и т. д.) [14, с. 12].

Однако мировоззренческие установки любой социальной группы или отдельного человека, любое убеждение – религиозное, политическое, культурное – может привести и зачастую приводит к суждению о непогрешимости идеи, об ошибочности взглядов, которые оспариваются, к нетерпимости и даже ксенофобии. В период Реформации именно религиозное мировоззрение вело к фанатизму, ярким примером которого может служить кальвинизм, который как протестантское течение в это время получило широкое развитие. Его приверженцы за свою веру и свои интересы готовы были идти на плаху и на костер (в России таким примером непримиримости могут служить раскольники после реформы Патриарха Никона в 50–60-е годы XVII века). В Европе кальвинисты были беспощадны ко всякой «ереси», как к учению католической церкви, так и еретикам. Но в этом они нисколько не уступали своим самым ярким идеологическим противникам – католикам [14, с. 31]. Кальвинизм вначале обосновался в Женеве, затем распространился и в других странах Европы – во Франции (гугеноты), Нидерландах, Шотландии. Но и реакция со стороны католической церкви не замедлила начаться. В 1542 году были восстановлены инквизиторские суды, в католических станах стала вводиться инквизиция, по Европе запылали костры.

Итоги Реформации известны. Восстания в Германии были жестоко подавлены, по данным исследований, они были «буквально потоплены в крови» [14, с. 20]. Борьба с протестантизмом велась в европейских странах как откровенно репрессивными мерами, так и сравнитель-

но умеренными формами его вытеснения. Следствием реформационного движения, длившегося не одно десятилетие и захватившего и другие страны Западной Европы, стал полный или частичный разрыв связей с римской католической церковью. Эти изменения сопровождалось значительными человеческими жертвами как со стороны католиков, так и со стороны протестантов. Исход борьбы во многом зависел от конфессиональной принадлежности и ориентации правящих династий [25, с. 135–138, 260, 262]. Например, Австрия осталась в лоне католицизма. Что касается Германии, где и началась Реформация, то часть земель (например, Бавария) осталась католической, а другая стала протестантской. Например, гейдельбергские курфюрсты, правители Бранденбурга были приверженцами кальвинизма. Протестанты (гугеноты) и католики во Франции нашли компромисс между своими религиозными течениями, подписав Нантский эдикт (1598), которому предшествовало одно из самых кровавых событий истории человечества – Варфоломеевская ночь (24 августа 1572 года). По некоторым данным, тогда погибло около 40,0 тыс. человек. Некоторые исследователи даже связывают появление в мировой культуре термина «толерантность» с подписанием Нантского эдикта.

Тем не менее, в пределах одной страны в результате вначале религиозного противостояния, а затем достижения религиозной терпимости стало возможным существование двух религиозных идеологий – католицизма и протестантизма.

Следующим шагом в становлении толерантности стал кромвелевский период английской истории XVII века. В условиях политических разногласий должны были столкнуться и религиозные течения – англиканское и пресвитерианское, за которыми стояли различные политические направления. Первое – религия дворянства и аристократии. Второе – религия новой «республиканской» партии, отвечавшая «настроениям народа» [15, с. 42]. Результатом стало противопоставление как политических, так и мировоззренческих позиций «англиканства – монархизма – аристократизма» «пресвитерианству – республиканизму – демократии». В армию Кромвеля входили представители различных пуританских сект, среди которых своими убеждениями терпимости выделялись индепенденты и левеллеры. В то же время в массовых движениях в Англии, проходивших под религиозными лозунгами, проявлялся религиозный фанатизм. В результате, как и ранее в ходе реформаторского движения, в условиях религиозного плюрализма и религиозной толерантности был достигнут гражданский мир и созданы условия для установления общей атмосферы милосердия. После революции в Англии утвердилась «система классового компромисса», для которой характерны осторожность, умеренность установок, выдвижение на первый план морально-этических проблем и т. д. [15, с. 30].

В результате в XVI и XVII веках в Европе религиозная толерантность стала понятием из области права. По данным Ю. Хамберса, законодательные акты этого времени предписывали чиновникам и населению толерантное поведение в отношении религиозных меньшинств – лютеран, гугенотов, католиков [30].

Подобная ситуация была свойственна и Америке, куда в то же время со всех сторон Европы устремились представители различных сект, притесняемых и откровенно преследуемых со стороны католической, протестантской и других церквей.

Укоренение религиозной толерантности в европейских странах в полной мере способствовало началу всех других свобод, достигнутых в дальнейшем в обществе. В политическую практику понятие «толерантность» в Западной Европе было введено в XVIII веке. Оно свя-

зано с именами французских просветителей, прежде всего Ф.-М. А. Вольтера (1694–1778), и выражено его афоризмом: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая ваше право высказывать собственное мнение». Считается, что здесь обозначена классическая теория толерантности. Также понятие «толерантность» связано с именем политического деятеля Франции Ш.-М. Талейрана (1754–1838). Он при разных правительствах (революционном, при Наполеоне, при Людовике XVII) оставался министром иностранных дел. Согласно мнению некоторых исследователей, отличительной чертой дипломата при сохранении своих собственных принципов было умение учитывать настроения окружающих, относиться к ним с уважением и не ущемлять их интересы [9].

Некоторые исследователи соотносят появление термина «толерантность» с трудами английского мыслителя Дж. Локка (1632–1704), британского философа, одного из выдающихся представителей английского Просвещения и теоретика либерализма. В своих трудах [20; 21] он обосновывал необходимость веротерпимости, права на свободу совести в период ужесточения в Англии религиозных преследований. На титульном листе первого издания «Послания о веротерпимости» (опубликовано на латинском языке) было напечатано «*Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum T. A. R. P. T. O. L. A. scripta a P. A. P. O. I. L. A.*» [20].

В России идеи веротерпимости стали очень популярны среди русских просветителей с проникновением просветительских идей в XVIII столетии. Веротерпимость пропагандировалась на страницах журналов Н. И. Новикова (1744–1818) наряду с идеями гуманизма, «просвещенного абсолютизма». Другими русскими просветителями (И. А. Третьяковым, И. А. Крыловым, Д. С. Аничковым и др.) осуждалась религиозная нетерпимость, особенно, католической церкви, гонения с ее стороны, религиозные распри и войны, корыстолюбие и торговля индульгенциями [24, с. 221, 256]. В русской либеральной печати понятие «толерантность» стало употребляться с середины XIX века. Однако с 30-х годов XX века, оно исчезло из русской публицистики вплоть до начала 1990-х годов, пока вновь не появилось в публицистической и политической лексике. Но это понятие относилось исключительно к области медицины и означало невосприимчивость организма к антигену.

Мы не ставим задачей данной статьи рассмотрение собственно термина «толерантность», который в достаточной степени хорошо представлен в энциклопедической и научной литературе [2; 18; 19; 28 и др.], а также приведен в «Декларации принципов толерантности» (ЮНЕСКО) [11]. Но особо отметим, что в основе толерантности как социального явления, как установки сознания лежит готовность человека принимать убеждения и взгляды других людей, признавать способность личности к добровольному и сознательному формированию и развитию социальных установок, которые помогают воспринимать другого человека или социальную группу, их образ жизни, культуру и т. д. Толерантность подразумевает возможность человека/социальной группы преследовать/наказывать другого человека/другую социальную группу, вызывающие у него/них раздражение или неудовольствие, но он принимает сознательное решение не делать этого. Как социальный термин «толерантность» используется «...для характеристики ситуаций диалога культур, достижения консенсуса, рационального обоснования приоритетности поиска путей мирного и стабильного сосуществования в условиях многообразия...» [2, с. 3].

В этом смысле толерантность определяется тесными связями с общечеловеческими гуманистическими ценностями. На протяжении всей жизни человека происходит воспита-

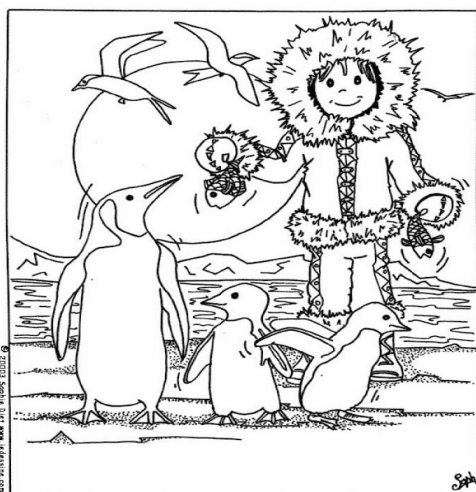

ние и развитие толерантности по отношению к другому человеку, группе людей, их взглядам – мировоззренческим, политическим, идеологическим, религиозным, к национальной принадлежности, культурным ценностям и т. д. И, в конечном счете, речь уже идет не о толерантности одной или нескольких личностей, а о формировании культуры толерантности в обществе, что является актуальным и для Российской Федерации. Толерантность, отвечающая интересам России в целом и реализуемая через культуру, пропаганду, образ жизни и традиции сохранения мира в многонациональном, многоконфессиональном и многокультурном государстве, может содействовать поиску компромиссов, преодолению конфликтов, нетерпимости между представителями отдельных народов, предотвращению конфронтаций и локальных войн, которые в настоящее время приобретают все большую силу и, в свою очередь, ведут к растрачиванию интеллектуальных, нравственных, культурных и материальных сил народов, к ненависти и ксенофобии. Усиление негативных явлений в обществе ведет к тому, что установление добрососедских, миролюбивых и доверительных отношений между отдельными социальными или этническими группами представляется довольно сложным. Положение осложняется и существующими предрассудками, предубеждениями, стереотипами, в том числе и национальными. Они отчасти правдивы, отчасти «мифичны», но сформировались в определенных социально-исторических условиях и могут стать для людей своеобразной преградой во взаимопонимании, так как в достаточной степени устойчивы не только у этнических групп, имеющих давнюю историю конфликтов друг с другом, но и между этносами, имеющими общую историю или давнее сотрудничество. К примеру, у русских, украинцев и белорусов имеются свои стереотипы восприятия друг друга, у кавказских народов – свои и т. п. Что касается отношения европейцев к русским, то можно привести один из многих примеров – представления о русских и России французских и бельгийских студентов, проходивших стажировку в Кемеровском государственном университете, перед их приездом в нашу страну: «Русские много пьют водки, в России много милиционеров, которые следят за населением...» (это особенно беспокоило стажеров), «Россия и, особенно, Сибирь – это безлюдная тундра, где много снега и ездят на собачьих упряжках... существуют большие проблемы с транспортом (поездами, электричками)...» [22] и т. д. Некоторые из них представлены на рис. 1.

*La vodka**Le froid*

La greve des transports

Comment vit-on en Sibérie?

Comment se déplace-t-on en Sibérie?

Рисунок 1. Некоторые представления французских и бельгийских студентов-стажеров о русских и России

Другой пример: отношение местного населения к мигрантам, которые воспринимаются как нежелательный элемент, занимающий рабочие места и усиливающий безработицу среди местного населения. Особое внимание обращается на обычаи мигрантов, которые противоречат местным традициям.

Поэтому во взаимодействии с представителями других этносов, религиозных конфессий, людей/социальных групп, имеющих культурные отличия, важно найти компромиссы, проявлять терпимость, учитывать видение «другой стороны».

В решении непростой задачи признания толерантных отношений большое значение имеет учет исторического опыта, в том числе и Российского государства, которое изначально формировалось как многонациональное, многоконфессиональное и поликультурное. Со-

ветские и российские историки отмечали высокую степень толерантности еще у восточных славян и, прежде всего, веротерпимость руссов по отношению к инаковерующим, будь то иноземцы или соплеменники. С точки зрения исследователя истории русской православной церкви А. В. Карташева, во многом это было связано с языческой идеологией, согласно которой все религии одинаково истинны и связывают людей с Богом. Она допускала существование стольких «национальных» божеств, сколько существовало «народов в мире» [13, с. 145–146, 264–265]. Исследователи древнерусской истории полагают, что веротерпимость русских по отношению к другим религиозным верованиям была их отличительной чертой в домонгольский период и объяснялась, прежде всего, внешними факторами: политическими и торговыми соображениями [13, с. 264–265]. По мнению И. Я. Фроянова, «именно веротерпимостью объясняется тот факт, что в Киеве еще за полвека до Крещения Руси сложилась христианская община и была построена соборная церковь» [29]. Согласно рассказу летописца, «закоренелый язычник» князь Святослав Игоревич не запрещал обращение в христианство своих соотечественников. Его сын, князь Владимир Святой, обменивался с Римским папой «посольствами» и даже благословил миссионерскую деятельность католической церкви в половецкой степи. В больших городах Киевской Руси (Киеве, Ладоге, Новгороде, Полоцке, Смоленске и др.) строились «латинские церкви» и при них служило иностранное духовенство. Другие иноверцы: половецкие купцы (были язычниками), камские болгары (магометане), армяне и иудеи жили в Киеве целыми колониями в особых кварталах и имели право отправления свободного публичного богослужения. Дружелюбием и веротерпимостью к европейцам можно объяснить установление в Киевской Руси праздника 9 мая в память перенесения мощей св. Николая Мирликийского в Бари под влиянием связей с Италией, а также влияние романского стиля на архитектуру храмов Владимиро-Суздальской земли, многие из которых строились итальянскими мастерами. Однако были еще и внутренние причины формирования толерантности русских в домонгольский период. Древнерусское государство Киевская Русь изначально развивалось как объединение славянских, финно-угорских и других племен. Это наложило отпечаток на всю дальнейшую историю, культуру, язык, межнациональные и профессиональные связи как русских, так и других народов внутри государства.

Процесс формирования мультикультурного российского государства шел на протяжении нескольких столетий, вплоть до начала XX века. Как в любом многонациональном государстве, российская имперская политика была направлена на культурную ассимиляцию национальных меньшинств. Однако в отличие от европейских и азиатских стран русское правительство не проводило политики геноцида не только по отношению к народам, добровольно вошедшим в состав Российской империи, но и насильственно присоединенным. Терпимость и толерантность российского государства проявлялась и в том, что почти все национальные окраины сохраняли традиционный образ жизни, национальную культуру, религию, систему местного самоуправления и судопроизводства, а национальная элита получала статус русского дворянства. Начиная с XVI века в феодальное сословие России включалась феодальная знать присоединенных народов, которая пользовалась общегосударственными льготами. Она сохраняла привилегии на своих этнических территориях по мусульманскому и обычному праву. Иноэтничные купцы и ремесленники также получали права и привилегии.

Как пример – отношение русской администрации к инородцам Сибири. Результатом добровольного присоединения коренного населения народов Алтае-Саянского экорегиона Сибири в XVII–XVIII веках стала политика патернализма по отношению к ним и толерантное от-

ношение высших органов власти к этносам, имевшим существенное отличие по традиционной культуре и заведомо стоящих на более низкой ступени социального развития. Толерантность обеспечивала стабильность границ Империи и этносоциальной и этноконфессиональной обстановки вплоть до распространения на данной территории буржуазных реформ 1860–1870-х годов [5; 8; 26; 27].

Другой пример – политика русской администрации по отношению к «завоеванным народам» в ходе Русско-Кавказских войн во второй половине XIX века – горцам Причерноморья (черкесам). Им, в достаточной степени агрессивным по отношению к завоевателям, было предложено переселиться к их военным и политическим союзникам и единоверцам в Турцию или остаться на родной земле, но уже в пределах России, и быть к ней лояльными. После переселения лиц высшего сословия и представителей духовенства для представителей низшего сословия (или «холопов») объявлялась личная свобода, и отводились земли для поселения [1, л. 1, 2, 6; 3].

То есть отношение русской администрации, а также представителей христианской православной культуры к мусульманским народам было далеко не однозначным, особенно в районах Кавказа (не только Причерноморья, но и, прежде всего, Северного Кавказа), присоединенных к России во второй половине XIX века. Однако в российской истории уже имелся опыт мирного сосуществования православия и ислама в Поволжье. Российское правительство и общественность были заинтересованы в создании мирных взаимоотношений и с кавказскими народами. Для решения этих проблем предпринимались определенные шаги. В частности, популяризация Корана как нравственно-юридического кодекса, охватывающего вопросы религиозно-нравственного, гражданского, уголовного и государственного права, объяснение роли в религиозной жизни и быту мусульман других основных источников мусульманского права, норм обычного права, преданий, юридических решений (фетва) законоведов, составленных для разъяснения и применения Корана и Сунетта [12].

Существовало множество примеров проявления толерантности на бытовом уровне. Один из видных представителей русской философской мысли начала XX века В. Ф. Эрн, рассматривая проблемы войны и мира, антагонизма Запада и Востока в статье «Великое в малом», замечает «“малые чудеса” в жизни российского организма», но «огромные по своему духовному содержанию». К таким он относил «неожиданные сближения между народами и народностями». В частности, речь шла о представителях армянской общины, проживавших в небольшом городке Северного Кавказа, к раненым русским солдатам, сражавшимся на фронтах Первой мировой войны. Для них община организовала лазарет. Такое отношение, по словам В. Ф. Эрна, стало в России «обычным делом». Он приводит и еще один факт: встречу двух священников – православного и армянского. Несмотря на ряд догматических и канонических расхождений двух разных исповеданий (православного и григорианского), встреча, по свидетельству философа, происходила «тактично», «с проявлением уважения друг к другу», «без вражды и мелкой розни» [33, с. 304–306]. В. Ф. Эрн объяснил это следующим образом: «Русский батюшка, забыв об учебниках, вспомнил столетия мученического пребывания армянского народа в христианской вере посреди бушующего моря мусульманства, а армянский священник видел на примере тех самых солдатиков, что лежат в лазарете, как льется русская православная кровь для освобождения христианской Армении...» [33, с. 307].

То есть корни дружбы, сотрудничества народов России были рождены и возвращены многовековой историей сосуществования сотен народов, когда на территории России

формировалась их историко-культурная общность, когда судьбы народов были неразрывно связаны с судьбой Отечества, объединяющего их, когда представители всех национальностей самоотверженно служили чести, достоинству и благополучию своей страны [7]. И современная Россия имеет шанс наследовать эти традиции и опыт межнационального и межкультурного сотрудничества и дружбы.

Значительная роль в формировании толерантных отношений в нашем обществе должна принадлежать этнографическому образованию. И здесь трудно переоценить значение учреждений образования и культуры. Значительная роль в просветительской работе принадлежит музеям как специализированным, этнографическим, так и краеведческим. В их экспозициях и фондах содержатся подлинные памятники традиционной культуры различных этносов. Многие музеи в своей работе используют различные формы просветительской деятельности, учитывающие возрастные особенности учащихся, – тематические экскурсии, театрализованные постановки, игровые занятия, написание эссе и т. д. В ходе этого посетители знакомятся с музейными экспонатами, а также с такими понятиями, как «этнос», «этническая история», «традиционная культура», «обычай» и «обряды».

Если рассматривать ситуацию в сфере образования, то сегодня на профессиональном уровне этнографическим образованием занимаются только на специализированных факультетах университетов (исторические, международных отношений и т. п.). В то же время многие дошкольные учреждения, школы и учреждения дополнительного образования также пытаются передать этнографические знания детям. Программы преподавателей, как правило, индивидуальны и направлены на приобщение детей и подростков к народной культуре и фольклору. В данном случае этнографическое образование не имеет систематического характера, а знания, которые отбираются, интерпретируются и передаются в ходе занятий, зачастую имеют случайный характер. Это свойственно также средствам массовой информации и неформальным национальным общественным организациям, активно работающим в данном направлении. И здесь следует отметить об особой актуальности привития этнографических знаний детям всех возрастных категорий и молодежи, способствующих формированию культуры межнационального взаимодействия и культуры толерантности по отношению к представителям других этносов с их культурным разнообразием.

Но толерантность имеет и оборотную сторону. Подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности зачастую «порождает» условия для обострения «межэтнических граней». Обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствует их обособленности и, наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам. Это нарушает права большинства населения государства, хотя и соответствует международным представлениям о правах национальных меньшинств. Как пример можно привести требования присвоить статус коренных малочисленных народов малочисленным этносам, предоставить возможность льготного поступления в высшие и средние специальные учебные заведения молодежи из их среды, налоговые льготы для развития предпринимательства или гарантированную долю от прибыли предприятий, находящихся на «этнической территории» [5; 6]. Открытое проявление этнических интересов стало объективной реальностью. Это способствует сохранению на местах межэтнической напряженности, перешедшей в очередной раз в латентное состояние. Еще одна проблема – религиозный

фундаментализм, главным образом, ассоциируемый с теми представителями ислама, которые в борьбе с глобализмом переступили через нравственно-этические нормы своей религии. В этой связи представляется, что толерантное отношение к «чужим» и «иным» должно иметь свои ограничения, свою меру. Оно не подразумевает идей, поведения, поступков, образцов и т. д., которые неминуемо ведут к деградации, разрушению общества и его духовно-нравственных основ. В то же время толерантность не предполагает обязательного отказа от критики, дискуссии, и тем более – от собственных убеждений.

Литература

1. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 348. Личный фонд Валуйского В. М. Оп. 1. Ед. хр. № 8. Л. 1, 2, 6.
2. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности: автореф. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2007.
3. Белозёрова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II: человек в пространстве коммуникации. – Szczecin, Poland, 2012. – С. 46–52.
4. Белозёрова М. В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 17, ч. 1. – С. 59–65.
5. Белозёрова М. В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е годы – начало XXI века): автореф. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2008. – 56 с.
6. Белозёрова М. В. Проблемы межнациональной напряженности и толерантность: XX столетие // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2008. – № 5. – С. 17–18.
7. Белозёрова М. В. Толерантность в России: за и против // Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность. – Кемерово, 2009. – С. 153–158.
8. Белозёрова М. В., Садовой А. Н. Проблемы интеграции автохтонного населения Саяно-Алтайского региона в рыночную экономику // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX века. – Томск, 2007. – С. 226–236.
9. Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. – М., 1986.
10. Брант С. Корабль дураков, Сакс Г. Избранное: пер. с нем. / редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; предисл. Б. Пуришова; коммент. Е. Маркович и А. Левинстона. – М.: Художественная литература, 1989. – 478 с. – (Библиотека литературы Возрождения).
11. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]: утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. – Ст. 1.1. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/declar.html> (дата обращения: 22.07.2013).
12. Караулов 1-й Н. А. Основы мусульманского права // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1909. – Вып. 40.
13. Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. – М., 1992. – Т. 1.
14. Косминский Е. А. Крестьянская война и Реформация в Германии. Лекция 12-я: стенограмма лекции проф. Е. А. Косминского, прочитанной 5 апреля 1938 года. – М., 1938.
15. Креленко Н. С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX веков. – Саратов, 1990. – 112 с.
16. Кудрина Е. Л. Формирование толерантности как инновационное направление подготовки выпускников вузов культуры и искусств в обществе знаний // Информационное общество. – 2008. – № 5–6. – С. 89–91.

17. Кудрина Е. Л., Белозерова М. В. К проблеме формирования толерантности в системе высшей школы на примере Кемеровского государственного университета культуры и искусств // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5. – 103 с.
18. Левченко И. Н. Ценности толерантности и терпимости принимающего сообщества в условиях миграционной подвижности населения юга России: автореф. ... канд. социолог. наук. – Ростов н/Д., 2006.
19. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме, критицизме [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 12.09.2013).
20. Локк Дж. Опыт веротерпимости // Соч.: в 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – (Филос. наследие. Т. 103). – С. 66–90.
21. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч.: в 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – (Филос. наследие. Т. 103). – С. 91–134.
22. Толерантность и стереотипы: мат-лы круглого стола Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств 16 ноября 2010 года. Презентация французских студентов-стажеров Кемеровского государственного университета [Электронный ресурс] // Текущий архив НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций КемГУКИ. – Загл. с этикетки диска.
23. Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum, Theologiae apud Remonstratenses Professore, Tyrannorum Osorem Limborchium. Amstelodamensem, scripta a Pacis Amico. Persecutionis Osore, Iohanne Lockio, Anglo. Напечатан в 1685–1686 годах в Амстердаме. Труд включал работу Дж. Локка «Опыт веротерпимости» и его трактат «A Defence of Nonconformity» («Защита неконформизма»).
24. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР: в 2 т. / под ред. Г. С. Васецкого, М. Т. Иовчука, А. Н. Маслина и др. – М., 1955. – Т. 1.
25. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. – СПб., 2002. – 384 с.
26. Садовой А. Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX веках. Этносоциальные аспекты патернализма: автореф. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2000.
27. Садовой А. Н. Основные факторы формирования протекционистской национальной политики в южно-сибирском регионе (XVIII–XIX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VI год. итог. сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – С. 461–465.
28. Семашко М. А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках [Электронный ресурс]: электронный научно-педагогический журнал, 2007.
29. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allk.ru/books/363.html> (дата обращения: 16.11.2009).
30. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/797/836/1219/006_habermas_45-53.pdf (дата обращения: 18.04.2013).
31. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Грузии. Ф. 545. Канцелярия по управлению Кавказскими горцами. Оп. 1. Д. 63.
32. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. – М., 1989.
33. Эрн В. Ф. Сочинения. – М., 1991.

Literatura

1. Arhivnyj otdel administracii goroda Sochi. F. 348. Lichnyj fond Valujskogo V. M. Op. 1. Ed. hr. № 8. L. 1, 2, 6.
2. Bardier G. L. Social'naja psihologija tolerantnosti: avtoref. ... d-ra psihol. nauk. – SPb., 2007.

3. Belozjorova M. V. K probleme mezhjetniceskogo vzaimodejstvija na territorii rossijskogo Prichernomor'ja (na primere Bol'shogo Sochi) // Homo communicans II: chelovek v prostranstve komunikacii. – Szczecin, Poland, 2012. – S. 46–52.
4. Belozjorova M. V. Mul'tikul'turnaja politika i tolerantnost': problemy formirovanija na federal'nom i regional'nom urovnjah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 17, ch. 1. – S. 59–65.
5. Belozjorova M. V. Problemy integracii i nacional'nogo samoopredelenija korennyh narodov Juzhnoj Sibiri (1920-e gody – nachalo XXI veka): avtoref. ... d-ra ist. nauk. – Tomsk, 2008. – 56 s.
6. Belozjorova M. V. Problemy mezhnacional'noj naprtjazhennosti i tolerantnost': XX stoletie // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2008. – № 5. – S. 17–18.
7. Belozjorova M. V. Tolerantnost' v Rossii: za i protiv // Dialog kul'tur: globalizacija, tradicii i tolerantnost'. – Kemerovo, 2009. – S. 153–158.
8. Belozjorova M. V., Sadovoj A. N. Problemy integracii avtohtonogo naselenija Sajano-Altajskogo regiona v rynochnuju jekonomiku // Regional'nye osobennosti upravlenija gosudarstvennym hozjajstvom Rossii XVIII – nachala XX veka. – Tomsk, 2007. – S. 226–236.
9. Borisov Ju. V. Sharl' Moris Talejran. – M., 1986.
10. Brant S. Korabl' durakov; Saks G. Izbrannoe: per. s nem. / redkol.: A. Anikst, N. Balashov, Ju. Vipiper i dr.; predisl. B. Purishova; komment. E. Markovich i A. Levinstona. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1989. – 478 s. – (Biblioteka literatury Vozrozhdenija).
11. Deklaracija principov tolerantnosti [Elektronnyj resurs]: utv. rezoljuciej 5. 61 General'noj konferencii JuNESKO 16 nojabrja 1995 goda. – St. 1.1. – Rezhim dostupa: <http://www.tolerance.ru/declar.html> (data obrashhenija: 22.07.2013).
12. Karaulov I-j N. A. Osnovy musul'manskogo prava // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza. – Tiflis, 1909. – Vyp. 40.
13. Kartashev A. V. Oчерki po istorii Russkoj cerkvi. – M., 1992. – T. 1.
14. Kosminskij E. A. Krest'janskaja vojna i Reformacija v Germanii. Lekcija 12-ja: stenogramma lekcii prof. E. A. Kosminskogo, pročitannoj 5 aprlja 1938 goda. – M., 1938.
15. Krenenko N. S. «Puritanskaja» revoljucija i anglijskaja obshhestvennaja mysl' XVII–XIX vekov. – Saratov, 1990. – 112 s.
16. Kudrina E. L. Formirovanie tolerantnosti kak innovacionnoe napravlenie podgotovki vypusknikov vuzov kul'tury i iskusstv v obshhestve znanij // Informacionnoe obshhestvo, 2008. – № 5–6. – S. 89–91.
17. Kudrina E. L., Belozjorova M. V. K probleme formirovanija tolerantnosti v sisteme vysshej shkoly na primere Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI, 2008. – № 5. – 103 s.
18. Levchenko I. N. Cennosti tolerantnosti i terpmosti prinimajushhego soobshhestva v uslovijah migracionnoj podvizhnosti naselenija juga Rossii: avtoref. ... kand. sociolog. nauk. – Rostov n/D., 2006.
19. Lektorskij V. A. O tolerantnosti, pljuralizme, kriticizme [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.baikal-tolerance.ru/index.php?option=com_content&view=article (data obrashhenija: 12.09.2013).
20. Lokk Dzh. Opyt veroterpmosti // Soch.: v 3 t. – M., 1988. – T. 3. – (Filos. Nasledie. T. 103). – S. 66–90.
21. Lokk Dzh. Poslanie o veroterpmosti // Soch.: v 3 t. – M., 1988. – T. 3. – (Filos. nasledie. T. 103). – S. 91–134.
22. Tolerantnost' i stereotipy: mat-ly kruglogo stola Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv 16 nojabrja 2010 goda. Prezentacija francuzskih studentov-stazherov Kemerovskogo gosudarstvennoj universiteta [Elektronnyj resurs] // Tekushhij arhiv NII tolerantnosti i mezhkul'turnyh komunikacij KemGUKI. – Zagl. s etiketki diska.
23. Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum, Theologiae apud Remonstratenses Professorem, Tyrannorum Osorem Limborchium. Amstelodamensem, scripta a Pacis Amico. Persecutionis

- Osore, Iohanne Lockio, Anglo. Napechatan v 1685–1686 godah. v Amsterdame. Trud vkljuchal rabotu Dzh. Lokka «Opyt veroterpimosti» i ego traktat «A Defence of Nonconformity» («Zashhita nonkonformizma»).
24. Ocherki po istorii filosofskoj i obshhestvenno-politicheskoj mysli narodov SSSR: v 2 t. / pod red. G. S. Vaseckogo, M. T. Iovchuka, A. N. Maslina i dr. – M., 1955. – T. 1.
  25. Prokop'ev A. Ju. Germanija v jepohu religioznogo raskola 1555–1648. – SPb., 2002. – 384 s.
  26. Sadovoj A. N. Narody Juzhnoj Sibiri v XIX–XX vekah. Etnosocial'nye aspekty paternalizma: avtoref. ... d-ra ist. nauk. – SPb., 2000.
  27. Sadovoj A. N. Osnovnye faktory formirovanija protekcionistskoj nacional'noj politiki v juzhno-sibirskom regione (XVIII–XIX veka) // Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly VI god. itog. sessii IAIet SO RAN. – Novosibirsk, 1998. – T. IV. – S. 461–465.
  28. Semashko M. A. Razvitie termina «tolerantnost'» v gumanitarnyh naukah [Elektronnyj resurs]: elektronnyj nauchno-pedagogicheskij zhurnal, 2007.
  29. Frojanov I. Ja. Nachalo hristijanstva na Rusi [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.allk.ru/books/363.html> (data obrashhenija: 16.11.2009).
  30. Habermas Ju. Kogda my dolzhny byt' tolerantnymi? O konkurencii videnij mira, cennostej i teorij [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ecsocman.hse.ru/data/797/836/1219/006_habermas_45-53.pdf (data obrashhenija: 18.04.2013).
  31. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (CGIA) Gruzii. F. 545. Kanceljarija po upravleniju Kavkazskimi gorcami. Op. 1. D. 63.
  32. Jengel's F. Krest'janskaja vojna v Germanii. – M., 1989.
  33. Jern V. F. Sochinenija. – M., 1991.